

СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

КОГДА ПОСТАВЛЕН
ДИАГНОЗ:
О НАУКЕ БОЛЕТЬ
И ВЫЗДОРАВЛИВАТЬ



Издательство
Московской Патриархии
Москва • 2009

УДК 215
ББК 86-372
К-57

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА*

**Когда поставлен диагноз: О науке болеть и вы-
К-57 здравливать.** Сборник. — М.: Издательство Мос-
ковской Патриархии, 2009. — 80 с. — (Правосла-
вие в жизни).

Ничего иного не желаем мы друг другу так час-
то и искренне, как хорошего здоровья, провозгла-
шая: «Было бы здоровье, остальное приложится».
Что понимаем мы под здоровьем? И что под «осталь-
ным»? Что является главной причиной ухудшения
человеческого здоровья? Как вера помогает спра-
виться с болезнью? Существует ли православная
медицина? Авторы сборника, православные врачи,
рассматривая проблему здоровья человека каждый
под своим углом зрения, сходятся на одном: болезнь
всегда имеет духовные корни.

ISBN 978-5-94625-324-6

© Издательство Московской
Патриархии, 2009

ГДЕ ЛЕЧИТЬСЯ ПРАВОСЛАВНОМУ ХРИСТИАНИНУ

А. В. Недоступ

В последнее время в медицин-
ских кругах, среди православ-
ных врачей и пациентов все чаще
используется термин «православ-
ная медицина». Возможно ли
такое словосочетание, допусти-
мо ли вообще такое понятие? До
определенного момента мне эта
мысль не приходила в голову —
настолько привычным сделал-
ся этот оборот речи. Поводом же
к размышлениям о том, что такое
православная медицина и вправе
ли мы вообще о таковой говорить,
послужили для меня два обстоя-
тельства.

Во-первых, ко мне как к тера-
певту и кардиологу нередко обра-
щаются знакомые и незнакомые
люди с просьбой о консультации —

моей или какого-либо иного православного специалиста. При этом иногда больные ожидают, что православные врачи будут их лечить какими-то особыми методами — травами, массажем, диетой, но только не лекарствами. Помню разочарование одного моего собеседника (это был телефонный разговор), которому требовалась консультация для сына, страдавшего пороком сердца, когда я сказал, что перед осмотром надо будет снять ЭКГ, сделать ультразвуковое исследование сердца и т. д. «Я думал, что раз вы православный врач, у вас какие-то другие методы», — сказал этот человек и больше общаться со мной не стал. Приглашали меня и на телевидение, явно ожидая, что речь пойдет о лечении травами, массажем и т. п.

Во-вторых, мне предложили принять участие в составлении библиотечки для прихожан наших храмов; предполагалось издание серии книжечек типа «Советы православного кардиолога», «Советы православного дерматолога» (пульмонолога, уролога и т. д.). Поначалу я согласился, но очень быстро понял, что делать этого не следовало бы. В каждой такой книжечке сначала речь пойдет о православном понимании болезни,

поведении заболевшего православного человека (о необходимости причастия, иногда соборования и проч.), а затем будут даны специальные советы (в зависимости от характера болезни) — без сомнения, нужные, но не содержащие специфического православного наполнения. Следовательно, нужна книга о православном осмыслении связи болезни с грехом, о лечении как сложном процессе исцеления души и тела и т. д. (такие книги, слава Богу, уже есть), а специальные брошюры как-то «Советы больному гипертонической болезнью» можно найти в любом магазине.

Собственно, из вышесказанного уже многое становится ясным, но поскольку я сначала все-таки бездумно согласился написать несколько брошюр о советах православного врача, а с другой стороны — продолжают телефонные звонки с просьбой показаться православному врачу-специалисту скорее в области народной медицины, я решил довести дело до конца и сформулировать для себя и для возможного читателя позицию в отношении вопроса: существует православная медицина или нет? Тем более, что аналогии не помогают: ясно, что нельзя,

например, говорить о православной аэродинамике, православной геологии, но вполне возможно — о православной педагогике или психологии. Неожиданно для меня четко определить, что же такое православная медицина, оказалось не так-то просто.

Вначале необходимо уточнить, из чего складывается само понятие «медицина». Оно включает в себя четыре части. Первая — довольно сложная система общественных отношений: организация здравоохранения, финансирование, обучение врачей и т. д. Вторая — это само врачевание как процесс излечения. Третья — больной как субъект врачевания. Наконец четвертая часть — врач (и вообще медицинский работник), без которого медицина невозможна.

Начнем именно с врача. Здесь понятие «православный врач» вполне уместно. Безусловно, это должен быть не просто верующий человек, но такой профессионал, который старается жить и работать по заповедям Христа. В частности, он должен подчинять свою врачебную деятельность законам любви; должен быть бескорыстным: *Туне приясте, туне дадите* (см. Мф. 10, 8); должен, конечно, всячески стремиться, как

принято говорить, повышать свою квалификацию, чтобы как можно лучше исполнять свое дело на том месте, куда его привел Господь. Однако все эти качества могут быть свойственны и просто хорошему, порядочному доктору — хотя и неверующему (лишний повод вспомнить, что по Тертуллиану душа человеческая — по природе христианка). Православного же врача отличает христианское понимание болезни, смерти, греха, лечения. Влияет ли это на его профессиональную деятельность? Конечно, для верующего православного врача, следующего, например, заповеди «не убий», неприемлемы такие реалии сегодняшнего дня в медицине как аборт, лечение эмбриональными стволовыми клетками и прочее.

Есть ли гарантия, что православный врач всегда будет блестящим специалистом? Конечно, нет. Это зависит от его образования, от врачебного таланта, способности к нашему делу, но в любом случае это будет доктор, считающий свою профессию, медицину, как о том говорил Иван Александрович Ильин, делом служения, а не наживы, не тягостным отбытием времени в присутствии. Здесь уместно привести примечательные слова Ильина

на эту тему. В своей работе «Путь к очевидности», в главе «О призвании врача», цитируется письмо семейного врача Ильиных (имя его по просьбе самого врача Ильин не открывает). В ответ на просьбу Ильина охарактеризовать тот «метод», которым пользовался его доктор (и, как отмечает Ильин, «иначе, чем иностранные доктора, лучше, зорче, глубже, ласковее... и всегда с большим успехом»), этот врач пишет следующие замечательные строки (цитируем самое начало письма):

«То, что Вы так любезно обозначили, как мою “личную врачебную особенность”, по моему мнению, входит в самую сущность практической медицины. Во всяком случае, этот способ лечения соответствует прочной и сознательной русской медицинской традиции.

Согласно этой традиции, *деятельность врача есть дело служения, а не дело дохода*; а в обхождении с больными — это есть не обобщающее, а индивидуализирующее рассмотрение, и в диагнозе мы призваны не к отвлеченной “конструкции” болезни, а к созерцанию ее своеобразия. Врачебная присяга, которую приносили все русские врачи и которой мы все обязаны русскому Православию,

произносилась у нас с полной и благоговейной серьезностью (даже и неверующими людьми): врач обязывался к самоотверженному служению, он обещал быть человеколюбивым и готовым к оказанию деятельной помощи всякого звания людям, болезнями одержимым; он обязывался безотказно являться на зов, по совести помогать каждому страждущему; а XIII том Свода Законов (ст. 89, 132, 149 и др.) вводил его гонорар в скромную меру и ставил его под контроль.

Но этим еще не сказано самое важное — то, что молчаливо предполагалось как несомненное. Именно — любовь. Служение врача есть служение любви и сострадания: он призван любовно обходиться с больным. Если этого нет, то нет главного двигателя, нет «души» и «сердца». Тогда все вырождается и врачебная практика становится отвлеченным «подведением» больного под абстрактные понятия болезни (*morbis*) и лекарства (*medicamentum*). Но на самом деле пациент совсем не есть отвлеченное понятие, состоящее из абстрактных симптомов: он есть живое существо, душевно-духовное и страдающее; он совсем индивидуален по своему телесно-душевному составу и совсем своеобразен по своей болезни.

Именно таким должен врач увидеть его, постигнуть и лечить. Именно к этому зовет нас наша врачебная совесть. Именно таким мы должны полюбить его, как страдающего и зовущего брата».

В этих замечательных словах отражена вся суть христианского подхода к лечению больного. Здесь воплощается евангельский принцип любви к ближнему.

С таким врачом, конечно, легче будет общаться православному больному — их сближает общее представление о смысле болезни, необходимости соблюдать правила духовной жизни (особенно тщательно в болезни), дозволенном и недозволенном в лечении (та же фетальная терапия), наконец, молитва друг за друга. Такому врачу больной, как правило, будет доверять больше, чем атеисту (да и врачу проще работать с братом или сестрой по вере).

Этим мы вовсе не хотим сказать, что верующим необходимо выстраивать некую замкнутую, по типу секты, ячейку внутри общества, в данном случае — в больничном отделении, поликлиническом кабинете и т.д. Напротив, православный врач обязан иметь духовный контакт с любым пациентом, быть,

по мере сил и возможностей, его проводником в область неведомого пациенту огромного мира веры, к которому нередко приводит болезнь (не впадая, конечно, в учительство и вовремя привлекая, с согласия больного, священника — для беседы, для совершения Таинств Крещения, Покаяния, Причастия, Елеосвящения (соборования)).

Итак, можно заключить, что понимание православности и у врача, и у пациента, как состояния души, привносящего в сам процесс врачевания столь же особые качества, лежащие в сфере духовной жизни, правомерно.

Рассмотрим теперь, что представляет собой процесс православного врачевания. Исходить здесь надо из того, что болезнь человека чаще всего является следствием греха. Мы не касаемся здесь других аспектов понимания болезни — таких как, прежде всего, следствия изначально, от рождения поврежденной — со времен первородного греха — сущности человека, включая и его телесную природу (это снимает вопрос о «неадекватности» тяжести болезни личной греховности человека — как мы хорошо знаем, болели и святые); не затрагиваем и понимания болезни как «способа» заставить человека

остановиться, посмотреть на себя и свои дела, задуматься о вечности и своей посмертной судьбе; о понимании болезни, достойно переносимой болящим, как назидательном для окружающих примере христианского отношения к скорбям, и т. д. В данном случае основным для нас является именно понимание болезни как следствия греховности. Человек, как мы знаем, по природе своей двуедин и состоит из тела и души, а последняя включает и дух как высшую часть нетелесной сущности человека. Поврежденность духа неминуемо отрицательно сказывается на состоянии души (эмоциях, волевых качествах и проч.) и далее на состоянии тела. Это должно быть ясно и неверующему: тот или иной нехороший поступок, совершенный против совести, обязательно «застревает» в сознании человека, рано или поздно меняет его душевный настрой, порождает внутренний дискомфорт, депрессию, тревогу — а отсюда рукой подать до гипертонии, язвенной болезни и т. д.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев болезни человеческой души и тела есть следствие болезни духа. Отсюда совершенно ясно, что целостное лечение

человека должно включать терапию тела (чем и занимаются терапевты, хирурги, дерматологи, офтальмологи и т. д.), терапию души (сферу психиатрии) и, наконец, терапию духа — а это уже дело Церкви и ее служителей. О том, как Церковь врачует больной дух, описано в прекрасной книге греческого митрополита Иерофея (Влахоса) «Православная психотерапия» (под этим термином владыка Иерофей подразумевает именно врачевство духа, а не души, как это принято в медицине), изданной в 2004 г. Троице-Сергиевой лаврой. Следовательно, православное врачевание включает работу врача и священника с больным и требует деятельного участия самого пациента, стремящегося осознать свои грехи (покаяние в них), обрести понимание своей болезни, надежду на милосердие Божие. Конечно, мы имеем в виду, говоря о православном врачевании, и обращение к иным, помимо покаяния, церковным Таинствам — Причастию, Соборованию, а также к молитве, употреблению святой воды и т. д.

Между прочим отметим, что как врач должен быть осторожным при общении с больным на уровне толкования вероучительных проблем (привлекая, как уже говорилось

выше, с этой целью священника), так и священник должен быть осторожным при тех или иных рекомендациях, лежащих уже в сфере компетенции врача («оперироваться — не оперироваться», пить или не пить «таблетки» и т. п.). Не столь уж редкое нарушение этого правила иногда ставит врача в очень трудное положение. Мне не раз приходилось видеть, какую осторожность проявлял в подобных советах, испрашиваемых больными, великий старец архимандрит Кирилл (Павлов); обычно о. Кирилл благословлял найти опытного (лучше православного) врача и довериться его рекомендациям.

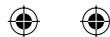
Из вышесказанного ясно, что медицина в ее биологической (душевной и соматической) адресованности не может считаться православной — поэтому нелепо звучат такие слова как «православная оториноларингология», «православная неврология» и т. д. Отсюда очевидна, кстати, и невозможность таких понятий, как упомянутая выше «православная аэродинамика» или «православный бухгалтерский учет». В то же время все специальности, имеющие дело с духовным началом человека, могут быть православными. Кроме медицины, это, несомненно, педагогика

(воспитание духа), психология (имеющая дело с душевной и духовной сущностями человека), искусство (цель которого в духовном, православном понимании, состоит в «выявлении» божественного начала в окружающем мире и человеке).

Что касается медицины, можно предвидеть возражения, например, подобные этому: «А при чем православие в случае, скажем, ампутации конечности или лечения антибиотиками тифа или холеры?» Но каждый врач знает, какую огромную роль играет и в хирургии, и в инфекционной клинике состояние макроорганизма — его защитных сил, способности противостоять болезни, — причем состояние духа не менее значимо (вспомним святителя Луку, выдающегося русского медика В. Ф. Войно-Ясенецкого, сочетавшего в своем врачебном искусстве духовное врачевство и талант хирурга). Еще раз напомним, что и «чисто врачебная» деятельность православного христианина также должна проводиться с соблюдением заповедей Божиих.

Больные, обращаясь к православным врачам, надеются на их бескорыстие (что немаловажно при теперешней всеобщей нищете), сочувственное понимание своего отношения,

как верующего человека, к болезни и принципам ее терапии, порядочность и ответственность. Очень может быть, что ранее больные не встретили всего этого при общении с миром медицины — увы, современная медицина становится все более и более безблагодатной. Именно из этого последнего проистекает боязнь современных врачебных методов диагностики и лечения — под подозрение берется все, что пришло из чуждого «цивильного» мира, не одухотворенного идеей Бога. Больной опасается, не явится ли очередной врач просто придатком к мертвой технике; он ищет такого лечения, когда врач не станет использовать враждебные человеку методы, а будет применять веками апробированные природные средства — травы, пищевые продукты; и способы — водолечение и проч. Известные основания для опасений, что в компьютеризированной медицине врач действительно теряет навык общения с больным, есть; однако квалифицированному православному врачу (и больному) нет смысла бояться современной техники, которая есть всего лишь усовершенствование способностей человека видеть, слышать, считать — имеются в виду рентгеновская, ультразвуковая



и другая аппаратура, сложные вычислительные системы и прочее. Важно, что на первом плане при этом остается личность врача, и, конечно, прекрасно, если этот врач будет православным христианином.

Нам осталось теперь рассмотреть четвертый содержательный аспект медицины — систему общественных отношений, включенных в понятие «здравоохранение». Безусловно, для того, чтобы соответствовать православному пониманию охраны здоровья, само построение здравоохранения должно опираться на соответствующие принципы бытия, продиктованные соблюдением Божиих заповедей. Церковь у нас отделена от государства (вполне секулярного), из этого факта следует, что такое соответствие в нашей стране нереально, хотя соблюдение при построении системы здравоохранения этических нормативов, приближенных к православным, позволило бы приблизить к православной и саму эту систему. Несведущему человеку может показаться удивительным, что старая, советская система здравоохранения, признанная в 1977 г. Всемирной организацией здравоохранения лучшей в мире, гораздо больше соответствовала православным этическим

нормам, нежели та, что создана трудами «реформаторов». Причины этого можно было бы проанализировать, но это не является предметом данной публикации.

Плоды этой «реформаторской» деятельности налицо: смертность в России по-прежнему значительно превышает рождаемость; государство не справляется с резким ростом заболеваемости; бремя финансовых затрат на медицину перенесено в значительной мере на плечи нищего населения (это еще не предел) — при том, что в Конституции декларируется бесплатная медицинская помощь; практически ликвидирована система профилактики (кроме прививок).

Этот последний пункт, на который обращают очень мало внимания, чрезвычайно важен. «Победоносно спорить с недугами масс может лишь профилактическая медицина», — писал когда-то великий русский терапевт Григорий Антонович Захарьин. В сегодняшней России большинству населения стал недоступен летний полноценный отдых, разрушена система спортивно-оздоровительных учреждений, люди плохо питаются, живут в страхе потерять работу (поэтому болезни переносятся на ногах) или остаться в старости без средств

к существованию. Все это приводит к хроническому стрессу, алкоголизации населения. В стране не принимаются меры по борьбе с курением, отсутствует пропаганда здорового образа жизни, взамен чего насаждается культ наживы, конкуренции, разврата и насилия. Следует ли добавлять, сколь далеко все это отстоит (точнее — прямо противостоит) от христианских заповедей!

В современной России извращаются отношения «врач — больной», начиная с замены термина «медицинская помощь» на «медицинские услуги» (подразумевая их оплату). Вместо старого патерналистского (отеческого) принципа отношений между врачом и больным внедряется финансово-договорной, с поощряемыми судебными тяжбами (больной против врача), с подписанием больным перед диагностической или лечебной процедурой «информированного согласия» (безграмотная калька с зарубежного выражения) — защитой врача от больного.

При этом на все лады повторяется тезис о вхождении («медленном возвращении») России в «семью цивилизованных народов». Следовало бы добавить — антихристианских, поскольку все изложенное настолько

полярно христианскому отношению к ближнему и к самой жизни, что невольно заставляет задуматься: куда мы идем? Ответ ясен — туда, куда давно сползает западный мир, прямо заявляющий о «постхристианской» эпохе своего бытия — антихристианской на деле, поскольку никакого «постхристианства» быть не может.

В связи со всем изложенным становится понятно, что в секулярном обществе о православной медицине говорить не приходится. Однако к этому надо добавить — медицине, понимаемой именно как государственной системы здравоохранения. В части же медицины как православного врачевания духа, души, тела, осуществляемого Церковью и православными врачами, — такая медицина, к счастью, вполне возможна и, несомненно, существует, будучи как бы растворенной в неправославном мире. Поистине, *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21).

В заключение можно попытаться сформулировать понятие «православная медицина». Итак, православная медицина есть медицина, которая в своих представлениях о происхождении и сущности болезни опирается, помимо естественнонаучных, на христианские

вероучительные положения и учитывает их при лечении и профилактике заболеваний.

Возможно ли существование православной медицины не как островка в океане секулярного общества, а как мощной государственной системы? Для этого требуется христианизация всего общества. В настоящее же время крайне затруднено даже создание православных лечебниц — уже хотя бы потому, что сегодняшний день медицины требует очень больших вложений — если иметь в виду оснащение лечебниц современной аппаратурой, лекарствами и проч.; на содержание такой, по сути, альтернативной медицины, у Церкви нет средств. Кроме того, мы рискуем не найти нужного количества православных медиков. Ограничиться же бедными полуфельдшерскими, полуврачебными пунктами при приходах, конечно, можно, но, опять-таки, отдавая себе отчет в том, что в них мы будем диагностировать и лечить на уровне медицины позавчерашнего дня.

Если отвлечься от невеселых реалий сегодняшней российской жизни, можно отметить, что и в целом мире сегодня нет страны, где была бы возможна православная (христианская) медицина как государственная система.

Слишком далеко от христианства отделилось современное общество.

Православная медицина во всей своей полноте, видимо, столь же недостижима, как невозможна для постижения абсолютная истина. Однако не следует забывать и о том, что в каждый данный момент мы владеем частью абсолюта. Приобщение к этой радости дает нам силы жить в современном мире. Полноценная же православная медицина возможна только в пакибытии, но там она уже просто не будет нужна, так как в том мире, естественно, не будет никаких болезней.

БУДЕМ ЗДОРОВЫ!

Игорь Сойкин

Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? <...>встань и ходи.

(Ин. 5, 6-8)

Ничего иного не желаем мы друг другу так часто и искренне, как хорошего здоровья, убежденно провозглашая при этом: «Было бы здоровье, остальное приложится». Что понимаем мы под здоровьем? И что под «остальным»?

Нет богатства лучше телесного здоровья, и нет радости выше радости сердечной (Сир. 30, 16), — так говорит Библия о ценности человеческого здоровья, четко разделяя его на здоровье телесное и духовное (радость сердечная).